

Раиса Рязанова: «Звездный час спокойно пережила...»

этого дядя плачет? И когда он с мамой хотел остаться, она сказала: "Нет, нет, нет. У тебя шесть детей. Я сама воспитана".

— **Раиса Ивановна, вы лидер?**
— Нет, я ведомый. Очень хороший исполнитель. Если мне что-то поручить — выполняю, когда объясняют, к кому обратиться, с кем поговорить, что сделать. Вот это я умею. А чтобы самой руководить — я считаю, мне просто не хватает для этого мозгов.

— **И с ролями так же: что бог пошлет, то и играете?**

— По идее, да. Нет такой мечты — хочу сыграть... Я ж понимаю, что это все бесполезно. Потому просто не терзай себя. Может быть, это можно назвать ленью, но ведь обух плетью не перешибешь. Так что ж колотиться, что ж себя истязать. И в итоге что? Ну, поплачу. Ну, всплунет нос. И все.

— **А как же вы тогда сохраняете себя для творчества? Как же вам удается входить в роль естественно, как будто и не было простоя?**

— Если бы я жила лучше, наверное, успела бы ожиреть мозгами, и чувства бы притупились, и каждой новой работы стала бы бояться. А тут ночью разбудит, скажи: на, эту роль сыграй — сыграю.

— **Люблю? И классику, Шекспира, Чехова?**

— Это на что потяну. Что я понимаю, что смогу. Скажем, Джульетту уже не могу. Дездемону тоже уже не могу.

— **А кормилицу Джульетты? Очень неплохая роль, кстати.**

— Кормилицу могу. Был спектакль "Медея" — я там играла кормилицу и прекрасно играла.

— **У вас к судьбе нет никаких претензий? Нет с ней конфликта? Вот есть героиня, а я — второго плана.**

— Этого нет. Никакого конфликта. Когда говорят: огонь, вода, медные трубы — мне медные трубы не страшны. Я свой звездный час — если картину "Москва слезам не верит" считать моим звездным часом — довольно спокойно пережила.

— **Но ваш звездный час растянулся на десятилетия, между прочим. Слава осталась прочная.**

— Тут дело, по-моему, даже не во мне. Это зрительская память такая. Это она хочет, чтоб так было.

— **Мы уже сколько говорим, а никак не можем зацепить вас.**

— За что?

— **За боль за какую-нибудь. Фильмы сейчас наши смотришь — радоваться особенно нечему. Будущее... кто знает, что там будет. В жизни тоже радости немного. Правильно? Так, в чем тогда ваш оптимизм? И потом вы говорите: мы не знаем новое поколение...**

— Мы хотим, чтобы оно жило по нашему образу и подобию. А так не бывает. Будет у тебя, например, дочь. И ты будешь учить ее. А она все равно скажет: "Мам, я сама". И ничего ты не сделаешь. И так всегда было и будет. А в чем мой оптимизм? Даже не знаю. Вот все мои картины мой ребенок видел, и за то, что общепризнанно, он никогда особенно меня не хвалил. Так чтоб: "Вот, мама какая у меня!" А так все: "Ой, ой, ой, ой".

— **Иронизирует?**

— Вроде бы иронизирует, но ирония такая добрая. Даже не ирония, а как бы стеснение собственной гордости за свою мамку. Если между

"Гимн Великому Городу" прозвучал над перроном как финальные фанфары Гатчинского кинофестиваля "Литература и кино", и его участники отправились в путешествие из Петербурга в Москву. Насладиться бы комфортом "Красной стрелы". Так нет! Мы втроем в прокуренном тамбуре толкуем "за жизнь". У заслуженной артистки России Раисы Рязановой выбора не было: разговор этот нам обещала давно, а на фестивале времени не нашлось.

— **Раиса Ивановна, вы представляли на фестивале фильм "Му-му"...**

— Ой, я просто забыла, что в нем снималась, поскольку никогда ни на каком фестивале ничего не представляла. Всегда была гостем. Самым безответственным лицом.

С "Му-му" мы ездили в Красноярск, в Воронеж — очень хорошо принимали. Более того, на учительской публике показывали. А там есть ведь такие, которые "Му-му" читают по пятьдесят лет. И их сбить с толку очень сложно. Но равнодушных не было. А все со слезами, хлопала. К режиссеру подошли: "Сынок, спасибо..." — и в пузо ему утыкались. И он стоит, вот так их поглаживает, поглаживает. Довольный был. Довольный не от славы, а оттого, что смог устаревшим каким-то идеалом уготить. Угодить, то есть не разрушить то, что они себе напридумывали, а к тому ощущению еще и добавив свое что-то.

— **А вам не обидно, что не ваша роль отмечена призом, а Людмила Максикова?**

— Ни в коем случае. Их даже сравнивать нельзя. Я всегда знаю свое место. А сейчас уже претендовать на чей-то пьедестал?! Смешно.

— **Но вы же звезда. Вас все узнают. Просто видят известное, нет, не неизвестное — знакомое лицо. Никогда себя звездой не считала.**

— **Даже когда фильм "Москва слезам не верит" вышел?**

— Нет. Девочки, Муравьева и Алентова, ездили в Чехословакию представлять картину, еще куда-то. Я нигде не ездила.

— **Может быть, потому, что у вас в фильме все благополучно. А не обидно, что вспоминают в основном "Москва слезам не верит"?**

— А на кого, на что обижаться? Свету Светличную вспоминают "Не виноватая я!", вообще по одной реплике. И ей это обиднее, чем мне. Меня-то хоть вспоминают вон с какой картиной. Которая "Оскар" получила.

— **Раиса Ивановна в жизни вы так же счастливы, как ваша Тося в этой картине?**

— Теперь я уже не знаю, что называть счастьем. У меня ощущение, что счастье — когда в душе покой. Мир с самой собой. Когда ты не боишься остаться завтра без куска хлеба, когда у тебя есть на кого опереться, кому довериться.

— **Это муж прежде всего?**

— Видимо, да. Или, может быть, очень хороший друг. А поскольку такого человека нет, то и понятие о счастье меняется.

— **Но у вас сын, которого вы вырастили, который занимается любимым делом.**

— Но это уже его счастье. Это уже его жизнь, и он проживет ее так или эдак. Я хочу, чтобы он достойно прожил. А он, наверное, думает, что можно прожить по-другому. Просто вот: "Мам, ты ничего не понимаешь". А что я не понимаю? А что он понимает?

— **Счастье — это не несчастье?**

— Да. Прежде всего.

— **Значит, несчастье — это одиночество?**

— Я давно разошлась с мужем. Давно живу одна. Вот говорят: я так боюсь одиночества, не могу находиться одна. А я могу. И меня это устраивает.

— **Страшно не бывает?**

— Что я дальше останусь совсем одна? Нет. Может быть, пока петух жареный не клюнул. Как-то об этом не думаю. Пока на ногах. Вот в аварию попала, шрам у меня остался. Сама была за рулем. Только-только

стала скорость набирать — и в грузовик стоячий бу-бум! Темно. А он без фар. И я вот этой староней, где сидит пассажир, и Даньке, сыну, чуть голову не несла. А шрам — это я в зеркало. Заднего вида. Вторилась.

Это было года три назад. А так получилось, что назрела какая-то картина. Мне говорили: Раечка, мы деньги ищем, вот-вот найдем. Потом опять перерыв. Потом позвонили: приходите в пятницу. А во вторник я врезалась. Приятельница мне позвонила: в больницу срочно. Поймала машину. Водитель глянул на меня и перекрестился. Представляете, на кого я была похожа? Приезжаем в больницу, говорю: мне в пятницу надо на пробу идти. Они на меня, как на дурочку, стали смотреть. А у меня мысль: надо на пробу. Короче говоря, пролежала там дней десять. Сотрясение маленькое было. И вот тогда подумала: как хорошо, что я одна, что меня хрипучую и в транспортную больницу никто не видит.

— **Это чисто по-женски.**

— **Может быть. Пусть что-то я себе не сварю, просто кляпчик хлебу — но чтобы никого не просить и чтобы этой немощи никто не видел.**

— **Вы хорошо готовите?**

— Не-а. Сын у меня неприхотливый. Пельмени или яичницу я ему делаю.

— **Пельмени какие? Домашние стряпаете? Маленькие, дудявенькие?**

— Ну, маленькие — нет. Для меня это долго. Большие, так, чтобы один ам — и наелся.

— **А кто научил? От мамы передалось?**

— Мама пельменей не делала никогда. Мама меня тоже особыми разносолами не баловала.

— **А что от мамы? Актриса — не от мамы?**

— Актриса — не от мамы, нет. Дело в том, что, поскольку вся жизнь была, не хочу сказать, в нищете, но в недостатке, то я научилась экономить. Если я Даньке что-то покупала, по мере того, как он рос, — он всегда с такой благодарностью принимал. И сейчас, уже взрослый, я говорю: "Даня, давай вот это купи". Он: "Мама, ну у меня же еще есть".

— **До "Москвы..." были главные роли?**

— Да, конечно.

— **Почему же все связано все-таки с "Москвой..."?**

— Потому что она сама по себе событие. Понятно, когда Вера Алентова пройдет — это ж Вера Алентова. Или Ира Муравьева. Их слава подогревалась еще дальнейшими работами. А я сидела дома. То есть, в каких-то ролях снималась, конечно, но все-таки моя слава не подкрепилась. Если она в принципе была. Был сериал Тиграна Кеосаяна "Дела семейные, дела смешные", двадцать с лишним серий. Довольно большая работа и долгая. Там нас всего человек семь, и все — главные роли.

— **То есть, на вас разруха в нашем кино не отразилась?**

— Не-а! Это, наверное, все ощутили. Но я — в меньшей степени.

— **Ровенько так идете по жизни?**

— Ровенько, да. Потому что и тогда меня никто за уши не притягивал. Я была ничья. Мне вообще с режиссерами легко работает. Может быть, потому, что у меня роли "безответственные" и на меня мало времени приходилось тратить, чтобы ввести в суть характера. Обычно просто репетиция. Одна. И все.

— **То есть прочитала роли, все для себя поняла, и режиссер с вами не борется?**

— Нет, не борется. Наверное, потому, что берут заведомо как типаж. У Сахарова я снималась в "Барышник-крестьянке". Совсем немножечко — одна из дворни. И он мне откровен-

но сказал: «Раечка, я хочу на экране в своей картине видеть русские лица. Денег у нас очень мало. Хотите?»

— **Вы можете сейчас быть не актрисой, а, например, водителем такси?**

— Когда совсем была безработица и безденежье, подвозила. Но когда меня стали узнавать... Однажды посадила одного мужика. Он так ба меня глядел, глядел и говорит: "Ой, мне даже неудобно как-то вам деньги давать". Потому что, вроде как артистка. Ему в голову не пришло, что это я на жизнь зарабатываю. Я тоже смущалась. Но он просто оставил на сидении, когда выходил: "Спасибо, спасибо! Я вас не обидел?" Я говорю: "Нет-нет, что вы!"

— **Вы еще можете музыкой в передаче зарабатывать. Вы рассказывали, что мама заставляла вас учиться ва баяне играть.**

— Она прожила всю жизнь в деревне и считала, что гармонист — единственный, кто всегда сыт-пьян и у кого нос в табаке. Вот я и бегала во Дворец пионеров на баян. Чтоб голодной никогда не быть.

— **Тот баян сохранился?**

— Да, но две-три клавиши уже западают. В басу тоже что-то гудит. И я уже его не беспокою.

— **Мама застала ваш успех?**

— Первую картину. В 67-м. Это "Четвертая высота", телевизионная, двухсерийная. Я Гулю Королеву играла.

— **Что мама сказала, когда вас на экране увидела?**

— Я уже жила в Москве, мама — в Раменском, под Москвой, 40 километров. И когда я к ней приезжала, у них уже шла картина. Я говорю: "Мама, ну что?" Она: "Ой, весь дом ходил. Весь дом ходил!" Претензий не было. Она же ходила в кино, видела другие картины. И вроде бы как я не хуже. Когда я поступила в ГИТИС, мама спросила: "Сколько им платят? Артистам-то?"

— **Раиса Ивановна, а любовь существует?**

— По молодости.

— **Вы говорили, что быстро разошлись с мужем. Так быстро прошла молодость?**

— Даже не знаю почему. Что-то быстро мы...

— **Но почему счастье актрисы такое хрупкое?**

— Ой, это вообще не ко мне вопрос.

— **То есть у вас все в порядке было?**

— Именно потому, что все не в порядке. Или, вернее, такого порядка не бывает. Потому что все-таки у актрисы кроме таланта должны быть еще какие-то каналы — например, сценарист, заинтересованный в тебе, или режиссер. Чтобы актриса не думала о своей дальнейшей работе. Хочет сыграть это — играет. Хочет сыграть эту роль — играет.

— **Разве такое бывает?**

— Не бывает. Не бывает. Но хочется такого.

— **Раиса Ивановна, а вы помните отца?**

— Помню, я сидела у него за рулем на колени. И помню его в детском саду. Когда мне казались высокими-высокими двери белые. И он стоит. Я родилась в 44-м. Мама с ним познакомилась во время войны: он приехал в командировку и... От голода умирал. Она его подобрала. Буквально где-то на дороге. Привела домой. И вот она я. А в командировку-то он уехал от жены и шестерых детей.

Он приходил в детский сад просто на меня посмотреть, просто посмотреть, какая я — так мама запретила, чтобы я с ним общалась, чтобы вообще меня ему показывали. Он стоял в дверях, этот здоровенный мужик, и плакал. А я где-то там у другой двери стояла и думала: что же

мною и Данькой и есть какое-то расстояние, то оно очень незначительное. Такое, как положено между поколениями. Он все-таки мой ребенок: по скромности какой-то, по неприязнительности, по тому, как он не требует ничего. Понимаете, я сейчас пытаюсь наверстать то, что в свое время недополучила сама. Мне хочется, чтобы он лучше оделся. Он все-таки молодой человек и актер к тому же. Все равно встречают по одежке. И хочется, чтобы хоть в этом как-то соответствовал.

— **А вы его актерские работы видели? Не стыдно?**

— Нет, не стыдно. Он такой мальчик... трудого.

— **А то, что он пошел в вашу профессию, — не случайно?**

— Это для меня было шоком.

— **Простите за такой вопрос — на какие средства вы живете? Ведь нет же постоянного заработка?**

— Квартиру сдаю. Со всем своим шмотьем. Мебелью. Диванами, стульями. С кухней. А себе взяла самое необходимое.

— **И снимаете маленькую квартиру за часть суммы, которую вам платят? И живете там с сыном?**

— Да. Поначалу казалось это невозможно. Но меня подружка надумила: ты, говорит, просто с голоду помрешь. Год еще сопротивлялась. Сильно-сильно. Как-то себя уговаривала. Думаю: нет, все связи порвутся, телефон никто не узнает. А потом поняла, что и так можно жить.

— **И что дальше? Перспектива-то какая?**

— Никакой.

— **Почему же вы улыбаетесь?**

— Не знаю. Здоровая, слава богу, пока.

— **Я вспоминал свое школьное сочинение полное полемического задора. Учительница литературы дала тему: "Кому на Руси жить хорошо". Она считала, что на Руси живет счастливо не только Гриша Добросклонов, который за счастье народа борется, но и многие другие крепостные. В том числе Матрена Тимофеевна. Помните, "осанная женщина" — у нее ребенка свинья съела, а муж в армии 25 лет служит. Я все сочинение доказывал, что она, по сути, обреченная страдальница. Но учительница вцепилась мне в тройку, настаивая на том, что Матрена счастливый человек, ибо ее люди избрали старостой, они ее знают и уважают. Вот и вас бы моя литературная назвала счастливой. Воплощением русского счастья.**

— Вы понимаете, какое дело: слишком много людей, которые могут бить себя в грудь, доказывать, требовать, рвать рубаху и так далее.

— **В актерских компаниях вы часто бываете?**

— Ой, нет, нет! Вот в театре каком-нибудь я бы с удовольствием поиграла. Может, в частной антрепризе. Даже не в смысле заработка, хотя это тоже имеет значение, и очень большое, конечно. Главное — сам творческий процесс. Мне интересно понять, что я еще умею. Может, заново открыть себя.

— **А как вам удалась роль свекрови?**

— Блестяще! Свекровь — это всех кровь.

— **То есть выпила у всех кровь?**

— Кто как хочет, так и расшифровывает.

— **А с сыном взаимных упреков не было, что, мол, один виноват в несложившейся личной жизни другого?**

— Нет. После драки-то чего ж...

— **То есть, опять все хорошо?**

— Да хорошо, нормально. Чего там...

— **"Все хорошо под сиянием лунным, всюду родимую Русь узнаю. Быстро лечу я по рельсам чудным, думаю думу свою..."**

— **Вот и Москва. На перроне дорожную сумку Раисы Рязановой легко подхватил красивый молодой человек. Сильный. Статный.**

— Знакомьтесь, мой сын.

Беседовали Игорь ЧЕРНИЦКИЙ и Николай РОМАНОВ